

24.8.95

Общая Газ. - 1995. - 24 авг. - с. 10

Букет и венок

К пятой годовщине со дня смерти Сергея Довлатова

ОКОЛЬКО врагов было у Сергея Довлатова, столько и друзей. Каждый его недруг в те или иные мгновения поддавался его обаянию, и каждому его приятелю было за что на него обижаться: правдивый вымысел прозаик всегда ценил выше правды факта.

Политика здесь — дело десятое. В политические джунгли этот беспощадный наблюдатель отечественных нравов по собственной воле не забредал. Не из страха, а по отсутствию интереса к крупной дичи: слишком доступная мишень для взыскательного художника. Любое санкционированное властями решение Довлатовым-прозаиком воспринималось как абсурдное, не затрагивающее существа нашего бытия.

Ко всем неразрешимым противоречиям жизни Довлатов относился весело. Ибо жизнь — грустна. Стоит ли делать ее и вовсе безнадёжной?

Там, где общественное мнение подозревало в человеческом поведении умысел и злую волю, прозаик обнаруживал живительный, раскрепощающий душу импульс. И с этой точки зрения он был абсолютно прав, питая заведомую слабость к алкашам, изгоям, плебсу... Словом — к лишним людям, не слишком опрятным, но неизменно симпатичным персонажам его сочинений. Без особенных колебаний Довлатов и в жизни предпочитал их обществу приличных — без всяких кавычек — граждан. Нелицемерная, ничем не защищенная открытость дурных волеизъявлений представлялась ему гарантией честности, благопристойное существование — опорой лицемерия.

Неудивительно, что сегодня, в момент крушения незбываемых идеологических доктрин, проза Довлатова оказалась столь популярной. Его всегда радовало высказывание Пушкина о том, что искусство и нравственность друг друга объясняют не в состоянии. Соединившись, они чахнут.

Говорят, что проза Довлатова слишком «проста», слишком «нормальна», чтобы делать о ней какие-нибудь глубокие умозаключения. Но, прежде всего, ее простота — изысканна, нормальность — артистична. Довлатов и сам был «человеком-артистом», едва ли не тем самым, о котором пророчил Александр Блок как о «человеке будущего». Жаль, что будущее подкачало и никакие стихии человечество к вершинам духа не вознесли. Но именно по праву «артиста» Довлатов находится со своими читателями в не нарушаемом по чувству избирательного сродства контакте. В довлатовском театре одного рассказчика режиссера зал интересует не меньше, чем сцена.

Сергей Довлатов от первого лица рассказывал историю своей, а как теперь ясно и нашей с вами, пропавшей жизни. Его герой-рассказчик прежде всего — не ангел. Но по безоруживающей причине: лишь падшим, смиренным гордыню внятен ныне «божественный глагол». Снисходительное отношение к человеческим слабостям — при заниженном уровне авторской самооценки — сообщает его прозе и обаяние, и остроту. «Поразительно устроен российский алкаш, — размышляет повествователь «Заповедника». — Имея деньги — предпочитает отраву за рубль сорок. Сдачу не берет... Да я и сам такой».

Или вот, еще горше в «Компромиссе»: «...может быть, последней умирает в человеке — низость. Способность реагировать на крашенных блондинок и тяготение к перу».

«Тяготение к перу», приравненное к слабости и даже «низости», говорит прежде всего об отказе от взгляда на художника как на проповедника и спасителя. А для разуверившегося в навязываемых идеалах читателя — о притягательной корректности авторской самоидентификации. Ни в одной компании Довлатов не примерял к себе одежду гения, наоборот, утверждал, что обыкновенного статуса профессионального литератора ему вполне достаточно и большей чести, чем сравнение с Куприным, ему не нужно. Довлатов нащупывал свой жанр всю жизнь и нашел его в таких за вечер прочитываемых книгах, как «Зона», «Компромисс», «Наши», «Чемодан». Они состоят из череды эпизодов, разделенных скорее паузами, чем событиями. Сюжеты тут

особенной роли не играют, так как характеры проявляют себя преимущественно в диалоге и речь заводит рассказчика гораздо дальше, чем любая драматическая коллизия.

В своей осязаемости факта, что искусство теперь — в природе маленьких вещей. В его насыщенных бытовым реализмом рассказах художественного шарма скрыто больше, чем во всех «эмалях и камнях» и «ананасах в шампанском». Не говоря уж о перьях, приравненных к штыку, бомбе и знамени. Довлатов имел смелость утверждать, что художественная середина — золотая, что мера и вкус стоят священного безумия и что невыразимое словом в слове и не запечатлевается.

Автор, сочувствующий людям в их слабостях, а не бичующий их, само звание писателя низведший до застольного ранга, уловил пульс и душу современного искусства, живо го частными интересами вполне лишнего людей. Ведь оказался же лишним человеком и сам Довлатов — в нашем богоспасаемом отечестве.

Изящаясь в своих книгах от первого, но не слишком значительного лица, Довлатов погружает читателя в ту жизнь «без помпы и парада», о которой как бы об истинной мечтал поэт. Кресла и трибуны в этой прозе отведены для недоразвитых. А правит в них — пошлость. Причем пошлыми автору кажутся не только избитые, надоевшие всем поучения и прописи начальства, но любой завышенный уровень самооценки. Вспомним хотя бы строчки из предисловия к «Ремеслу» о питерских «гениях» Горьком и Харитоненко: «По-

ясню. Горьцкий — автор романа, представляющего собой девять листов засвеченной фотобумаги. Главное же действующее лицо наиболее зрелого романа Харитоненко — презерватив».

Без всякого нарочитого пафоса Сергей вел в спасительную для души суть древней максимы: «Что отдал — твое». По этому принципу он жил, по этому принципу — творил. И дело здесь, может быть, не во врожденных нравственных обоснованиях. Довлатов чувствовал, что жить щедро — красиво.

Его щедрым даром нам всем явлена его речь и его улыбка, «не смотря ни на что». Жизнь не печальна и не смешна, но всегда печально смешна. И если корзина с цветами у Довлатова появилась на празднике, значит, недалеки и поминки:

— Шикарный букет, — говорю.
— Это не букет, — скорбно ответил Жбанков, — это венок!..

Таков довлатовский «компромисс» с нашей ужасной жизнью, вдруг чудесным образом превращающейся у него всего лишь в легкомысленную подругу его изысканной словесности.

И мы хохочем и замираем над ней, пока не перевернем последнюю страницу и не прочтем на обложке: «Сергей Довлатов — русский прозаик из Нью-Йорка, родился 3 сентября 1941 г. в эвакуации в Уфе, до 27 августа 1978 г. безумно жил и безудетно писал в Ленинграде, умер 24 августа 1990 года в эмиграции в США».

Андрей АРЬЕВ

Рей Медведев

Рисунок С. Довлатова из его книги «Малоизвестная проза», подготовленной редакцией журнала «Звезда»

Довлатов Сергей